

Откликнулся и ныне он на зов:
Маркграфа волю выслушав, он сразу
Пошел к Гризельде по его приказу

И ей сказал: «Сударыня, у вас
Прошу заране для себя прощенья,
Но государев выполнить приказ
Я должен точно и без промедленья,
Хотя б он и внушал мне огорченье.
Приказ владыки для меня закон,
И выполнить его я принужден.

Ребенка вашего мне взять велели».
И, матери не дав задать вопрос,
Он выхватил дитя из колыбели
И сделал вид, что нож над ним занес.
Гризельда с мукой в сердце, но без слез
Овечкою несчастною сидела,
Пока ужасное творилось дело.

Ей подозрителен был суток час,
И человек, и речь его, и взоры
Его холодных, непреклонных глаз.
«Ах, неужели дочка, от которой
Так много счастья, будет мертвой скоро?» -
Так думала Гризельда, но, полна
Смирения, не плакала она.

В конце концов к дворецкому в волненье
С нижайшей просьбой обратилась мать
(Был человек он добрый от рожденья),
Чтоб подождал дитя он убивать,
Пред смертью дал его поцеловать.
Дочурку взяв, она благословила
И поцелуями ее покрыла.

Потом шепнула нежным голоском:
«Прощай навек, мой ангелок прелестный!
Я осенила грудь твою крестом,
Чтоб взял тебя к себе отец небесный,
Который изнемог от муки крестной.
Твою вручаю душу я ему, -
Сегодня в вечную ты канешь тьму».

Я думаю, и нянька не могла бы
Без ужаса на это все взирать
И стон бы издала, хотя бы слабый.
Так как же тут должна была б кричать
И корчиться от мук родная мать!
Но нет, без слез дворецкому вручила
Гризельда дочь и так проговорила:

«Исполните же данный вам приказ.
Лишь об одном, коль нет на то запрета
От государя, умоляю вас: